

И. И. СРЕЗНЕВСКИЙ И ЕГО НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ С ЧЕШСКИМ СЛАВИСТОМ В. ГАНКОЙ

Л. П. Лаптева

Лаптева, Л. П. І. І. Срезневський та його наукові контакти з чеським славістом В. Ганкою

У статті аналізуються листи Ізмаїла Срезневського до чеського ученого Вацлава Ганки з 1840 по 1860 р. Значна увага приділена відображенням у них свідченням про південних слов'ян Австрійської імперії, Сербії та Черногорії. Міститься оцінка ролі контактів двох науковців для розвитку слов'янознавства в Росії.

Ключові слова: І. І. Срезневський, В. Ганка, славістика, міжслов'янські зв'язки.

Лаптева, Л. П. И. И. Срезневский и его контакты с чешским слави́стом В. Ганкой

В статье анализируются письма Измаила Срезневского к чешскому ученому Вацлаву Ганке с 1840 по 1860 год. Значительное внимание уделено отраженным в них сведениям о южных славянах Австрийской империи, Сербии и Черногории. Содержится оценка роли научных контактов двух ученых в развитии славяноведения в России.

Ключевые слова: И. И. Срезневский, В. Ганка, славістика, межславянские связи.

Lapteva, L. P. I. I. Sreznevskiy and his contacts with the Czech Slavist V. Hanka

The article analyzes the letters from Ishmael Sreznevskiy to the Czech scientist Vaclav Hanka between 1840 and 1860. Great attention in the letters is given to the integration of information about the southern Slavs of the Austrian Empire, Serbia and Montenegro. It presents an assessment of the role of scientific communication between two scientists in the development of Slavic studies in Russia.

Keywords: I. Sreznevskiy, V. Hanka, Slavic studies, Slavic connection.

И. И. Срезневский (1812–1880) принадлежит к числу крупнейших русских слави́стов XIX века. Вместе с А. М. Бодянским, П. И. Прейсом и В. И. Григоровичем он стал начинателем научного исследования славян в их прошлом и настоящем, родоначальником преподавания славяноведения в университетах российской империи и воспитателем кадров русских слави́стов. Об И. И. Срезневском существует значительная литература¹. Она отражает существенный вклад учёного не только в русскую, но и в европейскую науку о славянах. И. И. Срезневский интересовался всеми славянскими народами, как западными, так и южными, как большими, так и самыми малыми. Неоценимым научным подвигом И. И. Срезневского является изучение им истории русского языка и его памятников. Вообще, литература об И. И. Срезневском касается практически всех сторон его деятельности, хотя освещает их с неодинаковой подробностью и глубиной. Известно, что юбилейные мероприятия, посвящённые той или иной личности, не всегда приносят исключительно новый материал, напротив, подчас в них наблюдается много повторений хорошо известных фактов и оценок. Однако и такие повторения полезны, так как они выполняют просветительскую функцию исторической науки и воспитывают преемственность поколений, без чего дальнейшее развитие невозможно. В то же время, каждое обсуждение научным сообществом определённой проблемы приносит и новые данные: обнаруживаются ранее неизвестные факты, позволяющие по-новому оценить те или иные явления, не вызывавшие внимания у предшествующих исследователей обстоятельства, или не точно интерпретированные события. В целом, углублённое изучение данной проблемы, при общем представлении, также необходимый этап развития исторической науки.

К таким вопросам, недостаточно изученным и перспективным для углубления знаний о творчестве И. И. Срезневского, относятся его контакты с чешским деятелем национального возрождения XIX века Вацлавом Ганкой (1791–1861). Ганка представляет собой феномен чешского и славянского культурного Возрождения. Он имел неплохую лингвистическую подготовку (учился у Й. Добровского). Знал древние, древнеславянский и церковнославянский, а также современные западные и славянские языки. Переводил тексты со всех этих языков, хотя с разным успехом. Ганка также писал стихи, собирал памятники народной чешской старины и т.д. По мировоззрению он являлся сторонником так называемой славянской взаимности в её русофильском варианте. Официально В. Ганка

занимал скромную должность библиотекаря Чешского национального музея и хранителя рукописей и литературы. Эту должность он выполнял с большой энергией и успехом. Он сам разыскивал памятники письменности прошлого чехов и других славян, приобретал их другим способом и пополнял ими фонды библиотеки музея, а нередко и публиковал их. Писал исследования и статьи информационного характера о древней славянской литературе, преимущественно чешской. Ганка приобретал для библиотеки сочинения и современных ему славянских писателей, и вообще деятелей Возрождения, установив для этой цели широкие связи, вероятно, со всеми лицами, которые интересовались славянством. В результате, библиотека музея в Праге стала средоточием литературных богатств, созданных славянами. Древняя чешская столица стала центром научного интереса всех славяноведов, в чём была безусловная заслуга Ганки. Деятельность этого сторонника возрождения славянства основывалась на глубоком чувстве чешского патриотизма.

В начале XVII в. Чехия потеряла политическую независимость и стала провинцией империи Габсбургов. За 150 лет немецкого господства произошла реставрация религии, широкая германизация культуры и общества. Чешский язык потерял государственную, общественную, культурную и научную функции, деградировал и утратил перспективы для развития. В новое время у чешской интеллигенции, немецкой по образованию, стало пробуждаться национальное самосознание, и свою отсталость в развитии национальной культуры они стремились ликвидировать патриотической работой. Проявлялся интерес к культурному прошлому Чехии – к языку, литературе, истории; создавались журналы с патриотической тематикой (на немецком языке), патриотические кружки и пр. Собирались исторические памятники, свидетельствующие о далёком и славном прошлом народа. Следует отметить, что таким „интеллектуальным движением“ была охвачена не только чешская интеллигенция. Это было явление европейского характера, именуемое эпохой Романтизма. Таким романтиком-патриотом и был Вацлав Ганка. Тяжело переживая унижительное положение чехов, презрительное отношение, прежде всего со стороны немцев, к чешской литературе и письменности, вообще непризнание её самостоятельности, Ганка решил исправить создавшуюся ситуацию своеобразным способом. Он стал подделывать исторические памятники и сочинять новые. Во второй декаде XIX века стали появляться один за другим „найденные“ памятники, свидетельствующие о высоком уровне чешского языка, о превосходстве древней чешской культуры над немецкой и т. д. Кульминацией этих „находок“ стало появление так называемых „Краледворской и Зеленогорской рукописей“ (РКЗ), якобы открытых Ганкой в 1817–1818 гг. „Открытия“ были встречены патриотической чешской интеллигенцией с восторгом и ликованием². Наконец-то были „найденны“ „подлинны“ доказательства превосходства чешской культуры, литературы, общественного устройства и быта над немецкими! В. Ганка стал „великим открывателем“ бесценных сокровищ славянской древности и несколько десятилетий купался в „славе славянского Колумба“. Принятие РКЗ чешской возрожденческой интеллигенцией в качестве подлинных памятников древней чешской письменности (XI и XIV вв.) объясняется романтическим патриотизмом, который всегда имеет ложную основу и выдаёт желаемое за действительное. Кроме того, филологическая и историческая наука находились в начале XIX в. на таком уровне, который не позволял распознать подлинность памятника или его подложность. Среди славянских филологов такого специалиста не было, что же касается немецких филологов, профессиональный уровень которых был на голову выше чешских, то они не занимались славянскими языками и литературой. Их интерес находился в области индоевропеистики, главным образом индогерманских языковых вопросов. Вероятно по этой причине знаменитый немецкий филолог Якоб Гримм верил в подлинность РКЗ, верил в неё и великий немецкий поэт И. В. Гёте, и другие, не имеющие тесного отношения к современной литературе, но известные впоследствии философы К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкое признание льстило чешским патриотам; РКЗ широко распространялись, они были переведены на европейские языки и издавались большими тиражами.

Такова была литературная ситуация в Чехии и положение Ганки в чешском интеллектуальном обществе, когда с ним познакомился молодой русский учёный И. И. Срезневский, командированный российским Министерством народного просвещения для изу-

чения прошлого и современного состояния зарубежных славян, с целью последующего занятия кафедры славянских наречий и литератур в Харьковском университете.

Такая кафедра была учреждена Уставом Российских университетов 1835 г. в Москве, Петербурге, Казани и Харькове. Первые русские исследователи славянства (как впрочем и последующие) обычно начинали свои штудии в Германии, где изучали филологическую науку, находившуюся в этой стране на высоком уровне. Они посещали лекции профессоров Берлинского и других университетов, изучали методы исследования языка и постановки преподавания его, работали с литературой и источниками, обогащали свои знания в беседах с крупными немецкими учёными, посещали их семинары и т.д. Получив теоретическую и методологическую подготовку в Германии, русские слависты отправлялись в славянские страны, где приобретали сведения о состоянии славянских языков и литератур, устанавливали живую связь с носителями языков и местной национальной интеллигенцией. В путешествиях по славянским землям они приобретали новые сведения о материальной, умственной и культурной жизни зарубежного славянства. Стартовым пунктом для научных путешествий славистов была Прага, являвшаяся наиболее оживлённым центром славянских изучений во всей Австрии. Здесь жили и трудились уже известные учёные и национальные деятели – П. Й. Шафарик (1795–1861), Й. Юнгманн (1773–1847), поэт и фольклорист Ф. Л. Челаковский (1799–1852), В. Ганка, другие литераторы и филологи.

И. И. Срезневский прибыл в Прагу 4 (16) февраля 1840 г. из Дрездена. Как он отмечал, в первый же день по приезде, он посетил П. Й. Шафарика, с которым часто беседовал и впоследствии. Ф. Л. Челаковский стал одним из учителей Срезневского по средневековому и новому чешскому языку; русский стажёр был знаком с Й. Юнгманном, Ф. Палацким и др. Но особенно тесные дружеские отношения установились между И. Срезневским и В. Ганкой. Как писал русский учёный в альбом Ганки 3 (15) января 1841 г., „пятимесячное моё пребывание в Праге родственно сблизило нас друг с другом“. Ганка помогал И. Срезневскому в совершенствовании чешского языка, изучении палеографии, информировал об источниках, книгохранилищах и архивах, снабжал необходимой литературой и т. д. Как свидетельствует переписка этих славистов, научные контакты продолжались почти до кончины Ганки в 1861 г.

Письма В. Ганки к Срезневскому не опубликованы и хранятся в архивном Фонде И. И. Срезневского в РГАЛИ³. Наиболее ценными, однако, являются на наш взгляд, 53 письма И. И. Срезневского Ганке за период с 1840 по 1860 г., опубликованные В. А. Францевым в издании „Письма Вячеславу Ганке из славянских земель“⁴. По содержанию и хронологии их можно условно разделить на три части. Первая охватывает период пребывания Срезневского за границей и путешествия его по славянским странам. Вторая часть относится к харьковскому периоду деятельности учёного после возвращения из заграничной командировки; в третьей части отражается его жизнь и творчество петербургского периода с 1847 по 1860 г.

В целом в литературе о Срезневском этот источник используется неравномерно. Наиболее полное извлечение из писем Срезневского Ганке касается вопросов о русско-чешских и русско-словацких связях. Эта тема освещена в ряде статей и монографий. Ещё В. А. Францев в начале XX в. опубликовал труд под названием „Очерки по истории чешского возрождения“⁵, а в начале XXI века появилась на свет монументальная монография М. Ю. Досталь „И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками“⁶. Путешествие по Лужицам и изучение Срезневским серболужицких языков, этнографии и т. д., а также связи с представителями этого славянского народа подробно рассмотрены в исследовании автора этих строк о русско-серболужицких научных и культурных связях в XIX – начале XX в.⁷ Слабее использованы в литературе сведения Срезневского о южных славянах, содержащиеся в его письмах Ганке, но именно в этом материале имеются иногда уникальные сведения, пока не получившие достойной оценки.

Закончив в основе свои штудии в Праге, русский славист посетил других западных славян и в январе 1841 г. прибыл в Вену, чтобы провести подготовку к путешествию по землям южных славян. Здесь он встретился с Вуком Караджичем⁸, который согласился помочь Срезневскому в изучении сербского языка и народа и, кроме того, нашёл ему мо-

лодого хорвата, у которого русский славист брал ежедневно уроки. Затем он отправился в Штирию и в немецком Граце познакомился с профессором словенского языка К. Квасом⁹, капелланом Мурко¹⁰, иллирийским поэтом Трнским¹¹. Все они занимались изучением славянской филологии, и Срезневский характеризует их стремление установить для словенцев (штирийских и краинских) иллирийское правописание. Далее Срезневский прибыл в Марбург и сообщил Ганке о границе между Штирией славянской и немецкой, охарактеризовал штирийское и краинское наречия и познакомился со всеми деятелями в области словенского языка и изданиями их трудов. Кроме того, Срезневский описал одежду, физический тип славянского населения, природу и некоторые обычаи. Все эти сведения заинтересовали Ганку, и письмо Срезневского от 20–30 марта 1841 г. было им напечатано в *Časopis Českého Musea* на чешском языке, а П. П. Дубровский перевёл письмо на польский язык и напечатал в *Biblioteka Warszawskie*.

Из Загреба Срезневский сообщает об успехе иллирийского движения и приводит большой список опубликованной „по иллирийски“ литературы, созданной ново-иллирийскими писателями. Русский путешественник извещает своего чешского друга об интересе местного населения к другим славянским языкам. В заключение письма автор просит Ганку при его публикации вставить характеристику провинциально-хорватских наречий – кайкавского и штокавского, и подробно описывает их разницу. В мае 1841 г. И. И. Срезневский делится с Ганкой своими наблюдениями над итальянскими славянами. Посетил Резьянскую долину: „Двух дней было мне почти достаточно, чтобы не только разузнать всё главное о наречии и обычаях Резьи, но и обойти всю долину; священник рассказывал мне о старине (он и родом из Резьи), а капеллан водил меня по деревням и сёлам“¹². На основании данных Срезневского П. И. Шафарик составил статью „О резьянах и фурляньских славянах“ (опубликовано в журнале „Денница“ в 1842 г.).

В июне 1841 г. И. И. Срезневский извещал Ганку уже из Штрии. Прежде всего он сообщил, что они (путешествовал вместе с П. И. Прейсом) с сопровождающими идут пешком (за неимением других средств передвижения в этих землях). „Как ни спешим, как ни стараемся проходить в день вёрст по 40, по 50, а от времени всё-таки отстаём“¹³ – сетует он. Но из Триеста в Копр (Сапо d'Istria) выехали на дилижансе и, прибыв в Копр, двинулись дальше в маленькие городки и сёла, чтобы выяснить на каких наречиях говорит их население и записать песни.

И. Срезневский красочно описывает это путешествие в сопровождении священника, знавшего хорошо местное наречие. „Путешествовали мы таким образом: впереди осёл, на нём бисаги и на бисагах один из нас, за ослом проводник пешком, за проводником конь с другим из нас; дорожка, как и все дорожки в Штрии (дорожки, а не дороги) страшно дурны“¹⁴.

Путешественники убедились, что местное наречие ещё краинское. Записали несколько десятков слов, кое-что об обычаях и несколько песен. Срезневский устанавливает границы краинского наречия. Далее автор характеризует истринское наречие и отмечает бедность населения. Затем автор устанавливает границу начала чакавского языка, а в городе Фиуме-Риеке отмечает множество славян и „только чакавские песни“. На острове Крк путешественники слушали глаголическое богослужение, „наречие Крка есть хорватское чакавское“, – констатирует он и сообщает особенности употребления букв и произношения¹⁵. Описав географию Далмации, Дубровник, отсутствие удобств для передвижения по стране, грубость обращения с путешественниками со стороны властей и чиновников, безответственность последних по отношению к своим обязанностям, грязь, нечистоты и антисанитарные условия ночлега, не позволявшие утомившимся путникам отдохнуть, И. И. Срезневский заключает: „То ли дело путешествовать по немецким землям Австрийским; благородное обхождение начальства с путешественниками может служить примером в целой Европе“¹⁶.

Посетив военную границу хорватскую, изучив многие другие места, Срезневский, 1 октября 1841 г. „вступил на сербский Белградский берег“¹⁷, а затем добрался до Вены, где и остался на зиму. „В Сербии мне было очень хорошо, – пишет Срезневский. – В Белграде я был как дома у русского консула Ващенко, бывал у Князя, Княгини старой, Ефрема Обре-

новича, Паши и познакомился со всеми интересными людьми; а для путешествия моего по внутренней Сербии дан мне был не только паспорт, но и чиновник, водивший меня всюду, за что не могу не быть благодарным правительству сербскому“. . . . „Хотелось бы сообщить Вам дневник моих походов по Сербии. . . , но не имею времени и вместо дневника посылаю Вам список новых сербских книг, заслуживающих внимания“¹⁸, – и далее следует большой перечень сербской литературы – книг и периодических изданий, изданных как в Сербии, так и в Венгрии, свидетельствующий об оживлённой деятельности сербов в области изучения языка древних памятников письменности и характера азбуки.

Таким образом, путешествие Срезневского по территории южных славян Австрийской монархии можно считать подвигом, который был совершён русским учёным ради познания славянского мира, неведомого для России и мало знакомого европейскому обществу. Основное внимание Срезневский уделял выяснению вопроса о славянском языке, его составе, границ распространения, различию диалектов, наличию и характеру письменности, степени осведомлённости местных интеллектуальных сил о своём языке и вообще о прошлом. Выяснение этих вопросов позволило Срезневскому внести много нового в представления современников о языке южных славян, составить их классификацию, провести корректировку границ распространения диалектов и „наречий“, представить их новую „карту“. Много неизвестного ранее материала представил Срезневский науке о славянах в области этнографии, в описании быта, нравов, одежды, устройства жилища, фольклора, праздников, похорон и т. д. у разных славянских „племён“, населявших владения Австрии. В отличие от славянофильски ориентированных русских учёных, позднее посещавших территорию южных славян, Срезневский совершенно равнодушно относился к религии населения. „Не искал“ православных, а видел в славянах братьев по происхождению и родственников по языку. Его письма к Ганке являются убедительным опровержением точки зрения многих исследователей деятельности Срезневского о его принадлежности к славянофильскому направлению в науке. К сожалению, мнение о славянофильстве Срезневского встречается и в современных работах, особенно зарубежных авторов, что можно объяснить их предвзятостью или невежеством.

Особенностью писем И. Срезневского В. Ганке является тот факт, что они заранее были рассчитаны на публикацию их содержания в научной печати. И действительно, многие письма целиком или во фрагментах, по их получении Ганка напечатал, в основном, в „Журнале Чешского Музея“ в переводе на чешский язык. Из этого источника заимствовал сведения П. П. Дубровский, перепечатавая некоторые письма русского учёного в издаваемом им в Варшаве журнале „Денница“ и в журнале „Библиотека Варшавска“ в переводе на польский язык. Таким образом, результаты исследований Срезневского становились доступными интересовавшейся славянами общественности. Лишь в России о них никто ничего не знал. Огромное расстояние между местами путешествия Срезневского и его родиной, жестокая австрийская и русская цензура корреспонденции на границах, дороговизна пересылки были малопреодолимым препятствием для переписки. Так, письма Срезневского к матери занимали иногда два и более месяца пути, т. е. как и Срезневский, „шли пешком“ и достигали адресата в то время, когда автор письма находился уже в совершенно другой части Европы. Более того, кроме матери и других родственников, письма Срезневского в России никто не ждал. Интерес к славянам в этой самой большой славянской стране был мизерным. Ими интересовались единицы из числа профессоров университетов или деятелей, побывавших в славянских областях Южной Европы со своими целями. В России не было печатного органа, в котором бы освещались сведения о славянах, и не было человека – организатора типа Ганки. Лишь журналы „Москвитянин“ и „Маяк“ печатали иногда заметки на славянские темы. В общем, скромному харьковскому магистру, отправившемуся за границу для обучения, не было места в журналах, равнодушных к славянской проблематике. Поэтому научные результаты трудного путешествия Срезневского по каменистым тропам балканских предгорий, его открытия и достижения, освещённые в письмах к Ганке, в России стали известны только к концу XIX в.: письма к матери опубликованы в 1895 г.¹⁹, а к Ганке и того позднее – в 1905, т. е. когда славяноведение в России достигло в своём развитии европейского уровня. У истоков этого процесса стоял И. Срезневский, русский

первопроходец по славянским землям, своим трудом внёсший неоценимый вклад в осведомление научной общественности о южных славянах.

В письмах Срезневского Ганке имеются не только зафиксированные впечатления о славянских землях, его оценки и рассуждения о различных сторонах жизни общества обследованных территорий, но и целые научные разработки отдельных вопросов. К ним, например, относятся его сведения о Черногории. Эти материалы были опубликованы Ганкой в „Журнале Чешского Музея“ в виде отдельной статьи под названием „Черногория. Описание Измаила Срезневского в письмах к Вацлаву Ганке“²⁰ в 1842 г.

Для написания этой статьи Срезневский, по его собственным словам, воспользовался книгой Егора Ковалевского „Четыре месяца в Черногории“ (СПб., 1841), немецкой *Montenegro und die Montenegriner v. 2. Stieglitz (Stuttgart, 1841)*. Первую книгу Срезневский читал вместе с Вуком Караджичем, и они обсуждали её. Так же Срезневский имел беседу о Черногории с Владыкой Черногорским. Соединив эти данные со своими впечатлениями о стране и народе, Срезневский создал самостоятельный очерк, добавив в него новые сведения и исправив ошибки и неточности предшественников. Прежде всего, Срезневский описал географическое положение Черногории и её природу. Автор констатирует, что всю Черногорию окружают непроходимые скалы, которые надолго останутся дикими. Горы покрывают и всю внутренность страны. Серые дикие громады скал, огромные скалистые кряжи, малые тропинки между горами и небольшие речки. Вершины гор покрыты снегом и являются источником влаги, но вода, однако, почти вся под землёй: источник её начинается в горах и уходит внутрь, так что на поверхности её очень мало. Лишь в расселинах и на отлогих склонах имеется зелень и иногда леса. В небольших и редких долинах почвы плодородны, здесь растёт особый виноград. Климат холодный. Дикая страна привлекла человека к себе только по его нужде сохранить свою независимость – резюмирует Срезневский. Далее автор очерка сообщает общую площадь Черногории – 90 миль, а жителей приходится по 1000 на милю (данные несколько отличаются от сведений Ковалевского). Каждый четвёртый черногорец – оруженосец. Черногорье делится на четыре нахии – Катунскую, Лешанскую, Рецкую и Черницкую. Перечисляются многочисленные племена, заселявшие обе части Черногории – т. е. собственно Черногории и Берды. Указывается, что жители их бедно живут, но очень храбры. Деревни разбросаны далеко друг от друга, проезжих дорог нет, лишь к Скадарскому озеру проделана дорога для верховой езды, а между селениями идут тропинки с горы на гору часто над пропастями. В стране встречаются развалины крепостей и замков. Сохранившихся церквей мало, но в Морачском монастыре церковь св. Успения, построенная ещё Стефаном Урошем, сохраняет несколько старых грамот и рукописей. В целом – страна дикой природы населена дикими суровыми людьми, отличающимися первобытными нравами и образом жизни. Впрочем, об этом в очерке прямо ничего не говорится. По-видимому, Срезневский не мог или не хотел касаться вопросов быта, строя и обычая черногорцев. Изучение этих сторон жизни было осуществлено в русской литературе позднее: в фундаментальном четырехтомном труде П. А. Ровинского, изданном в конце XIX – начале XX в. Сведения, собранные Срезневским, имеют несколько поверхностный характер, но вполне достоверны и отвечают уровню знаний о Черногории в 40-х годах XIX в.

Очерк о Черногории И. И. Срезневский послал Ганке из Вены, откуда в середине марта 1842 г. выехал в Бретиславль (т. е. Братиславу), и оттуда началось его путешествие по Словакии²¹, которое оказалось также весьма результативным. В письме от 10 августа 1842 г. он писал: „В путешествии моём я был очень счастлив: моё собрание народных идиотизмов и описаний всего, что касается народной жизни и быта, если не богато, то, по крайней мере, не бедно: всюду находил я помощь. Особенное внимание обратил я на наречия и народности словаков: под Татрами и Бескидами наблюдатель находит ещё так много нового и любопытного, что мог бы остаться там на два, на три года, и всё бы ещё не вычерпал рудника сокровищ, неоценимых для филолога, этнографа, историка“²². Затем русский учёный-путешественник направился на родину – через Ковно проехал в Белоруссию и на Чернигов, из Чернигова поехал в Киев, а из Киева через Полтаву приехал в Харьков 21 сентября 1842 г.

С этого времени начинается второй период сотрудничества между русским учёным-

славистом И. И. Срезневским и В. Ганкой.

16 октября 1842 г. И. И. Срезневский с большим успехом прочитал вступительную лекцию по славяноведению в Харьковском университете. Своё впечатление, которое оказало на него Россия после долгой отлучки, он выразил в письме от 1 декабря 1842 г. „Я её (Россию – Л. Л.) представляю себе огромной, величественной прехосходной картиной, далеко ещё не оконченной; и живописец – странный человек: он не испугался ни величия предмета, ни огромности, но сделавши общий абрис, не знает за что хвататься, что стоит обдeldывать: обдeldывает мастерски, чудесно, но по кусочкам, и где не обделано, там запчкано. Когда картина будет совсем окончена, ей не будет подобной, но пока обделает, пройдёт ещё много времени, и пачкотни будет немало“²³. „Наш Харьков без меня тоже много обделался – пишет он дальше, – соборная колокольня немногим ниже Стефановской Венской, и легка, как перо. Построено много домов со вкусом, открыто много новых магазинов. Жителей полиция считает 37 тысяч, следовательно, с приездами можно считать не менее 40 тысяч. Архиерей (Инокентий) говорит чудесные проповеди и служит очень часто. Театр выстроен новый, и, говорят, внутри хорошо украшен“... „Литература в Харькове спит, – продолжает учёный, – кроме рассуждений, речей и т.п. нынешний год не выдет, кажется, ничего кроме Энеиды Котляревского (первое полное издание). Губернские ведомости стали хуже“²⁴.

Указав труды, которые ещё пишутся разными лицами, но не готовы к печати, Срезневский информирует Ганку о состоянии литературы в России вообще. Перечисляет выходящие журналы, прибавляя иногда остроумные характеристики их. Так, по его мнению, „первое место принадлежит Отечественным запискам, но и в них много болтовни, много немецкой философии, и притом ни из того, ни из сего антиславянское направление“²⁵. Газеты в жалком состоянии. Губернские ведомости выходят в каждом губернском городе. Книг выходит до 500 ежегодно – пишет учёный, перечисляя некоторые из них по истории России и других стран, по юриспруденции, по статистике, по древней истории. Издаются романы, стихи, филологические исследования, описания путешествий и т.д.

Процитированное письмо Срезневского В. Ганка перевёл на чешский язык и опубликовал в „Журнале Чешского Музея“ за 1843 г. Однако эта полезная для межславянских и конкретно русско-чешских научных контактов информация не могла повлиять на наличие негативных оценок состояния русской литературы некоторыми деятелями чешского возрождения. Так, П. Й. Шафарик не признавал очевидных достижений русской культуры и откровенно писал Я. Коллару, что русские – это народ „наполовину онемеченные и наполовину отатаренные северяне“, и с ними невозможно славянское единение, а „роскошные плоды ума Батюшкова, Жуковского, Пушкина и пр. и пр. – суть цветы дилетанства; сад в коем они выросли – не народ славянский“²⁶. В то же время чешский учёный стремился получить из России рукописи и другие источники, необходимые для его работы, хранившиеся в русских архивах и библиотеках, а также и материалы Срезневского, приобретённые во время его путешествия по славянским землям. Не гнушался чешский учёный принимать и материальную помощь от русского правительства и отдельных лиц для издания своих трудов²⁷. Отрицательно отзывался о русской литературе и побывавший в России Карел Гавличек-Боровский. В письме к К. Запу 29 сентября 1843 г. он признавался, что „знает только одного Гоголя, а все прочие (и с Пушкиным) составляют только, так сказать *imitatorum pecus!*“ Таким образом, для К. Гавличка вся русская литература не представляла достойного внимания²⁸. На наш взгляд, такая оценка русской духовной жизни первой половины XIX в., когда уже действовали писатели, ставшие через десяток лет основателями литературы мирового значения, когда создавался фундамент для пореформенного расцвета гуманитарной русской культуры, свидетельствует о незнакомстве деятелей чешского возрождения с культурным процессом в России и об их предвзятости. И. И. Срезневский пытался бороться с таким положением, заполняя целые страницы своих писем к Ганке списками книг, статей, выходявших журналов и других изданий. Однако тщетны были его стремления – ни П. Й. Шафарик, ни К. Гавличек-Боровский, по-видимому, не читали „Журнала Чешского Музея“, где Ганка усердно публиковал полученную информацию.

Между тем в Харькове И. И. Срезневский читал в университете лекции по славяно-

ведению, посвящая много времени для их подготовки. Однако он заметил определённое равнодушие студентов к его предмету. „К объяснениям о древностях западных славян они (т. е. студенты – Л. Л.) равнодушны, если это только непосредственно не касается наших русско-польских „древностей“⁴²⁹, – писал он. „К современному глухи... Покамест всё меня заставляет предполагать, что у нас изучение славянства станет почти на равне с изучением Востока“⁴³⁰.

Отсутствие интереса к славяноведению среди слушателей Харьковского университета вызвало у Срезневского определённое разочарование. Не осуществились и другие планы: „Мы с Бодянским хотели вместе издавать журнал, и отложили“⁴³¹, – пишет учёный 12 марта 1843 г. Это, как и другие письма, содержит список новой русской литературы по русской истории, по филологии. „В литературе много хорошего, в этом году издаётся 99 журналов, кроме книг. Лучшие для общего чтения Отечественные записки и Библиотека для чтения. Для любителей славянства – Москвитянин и Маяк“⁴³², – информирует Срезневский. В следующем письме учёный посылает полное обозрение русской литературы за первое полугодие 1843 г. Перечень весьма внушительный.

Наряду с преподаванием, И. И. Срезневский начинает обработку своего накопленного материала и публикует ряд научных статей. В 1843 г. в „Журнале Министерства народного просвещения“ (далее ЖМНП) И. И. Срезневский опубликовал рецензию на книгу П. Й. Шафарика „Славянская этнография“⁴³³. Эта работа вызвала широкий отклик у славянских и неславянских учёных. В России она была переведена на русский язык и напечатана отдельным изданием. И. И. Срезневский, высказав в своей рецензии искреннее уважение и любовь к своему учителю и перечислив с краткими характеристиками основные труды Шафарика, сделал ряд существенных замечаний и соображений. Он констатировал тесную связь „Народописи“ с более ранним учёным трудом Шафарика „История славянского языка и литературы“ (1826 г.), указав на то, что обе книги имеют одно и то же содержание. Далее рецензент указал на необходимость исправления характеристики наречий и дополнения литературы, особенно великорусской, а также рекомендовал прибавить материал о нравах и обычаях славян. Автор рецензии не принимает шафариково деление наречий и советует принять историко-географическое деление – на восточное, южное и северное наречия. Так же и в вопросе о границах славянских земель и языков Срезневский предложил свои поправки и дополнения. Сам И. И. Срезневский чувствовал, что Шафарик может рассердиться на его критику, но не ожидал от чисто научного спора никаких дурных последствий. „Шафарик может быть имеет право сердиться на меня за мою статью о „Народописи“, но в его благородстве я вполне уверен“⁴³⁴, – писал русский учёный Ганке. Но Шафарик не обнаружил в себе это качество и прервал связи со Срезневским. По-видимому, известному учёному было трудно признать факт превосходства своего бывшего ученика.

На материалах, полученных Срезневским во время путешествия по Лужицам в 1844 г., была опубликована статья „Исторический очерк сербо-лужицкой литературы“⁴³⁵ – первая работа в России о лужицких сербах. Она стала основой для сочинений других славянских учёных и русских исследователей более позднего времени по этому вопросу.

Особое внимание И. И. Срезневский уделял популяризации в России личности и творчества Ганки. В первую очередь, он стремился как можно шире распространить сведения об „открытых“ Ганкой РКЗ. Так, 3 октября 1844 г. Срезневский пишет: „Скоро получите Вы мой исторический очерк сербо-лужицкой литературы, помещённый в ЖМНП. Очень рад буду, если он заслужит Ваше одобрение. Но меня это напечатание его несколько смутило: прежде очерка я послал в Ж. М. статью о Краледворской рукописи и Ганке, и очерк напечатан, а статья эта нет, – и между тем мне бы очень хотелось вам послать статью ту, чтобы Вы наконец уверились, как я думаю и пишу о Вас... Краледворская рукопись разбирается у нас подробно: так песнь о татарах составила целое рассуждение. Позволите ли Вы автору (гр. Шведову) украсить её именем Вашим?“⁴³⁶.

РКЗ послужили И. Срезневскому источником для написания статей. В одной из них, коротко остановившись на истории открытия РЗ, её содержании, а также на отрицательном отзыве Й. Добровского, Срезневский решительно защищал её подлинность и выра-

жал свою солидарность с теми учёными, которые считали её „драгоценным памятником“. Он также опубликовал РЗ в подлиннике и в „русском чтении“, сделав при этом попытку прокомментировать отдельные слова и упомянутые в ней факты. Материал РЗ служил Срезневскому для суждений об общественном устройстве, образованности и других особенностях древних славян, что и было изложено в его статье „Сеймы“⁴³⁷.

В 1840 г. Срезневский обратился к РК. Эту рукопись он также признавал подлинной, отмечал её высокую ценность в языковом и, особенно, в этнографическом отношении и большое значение для исследования древней религии славян³⁸. В 1846 г. Срезневский по материалам РКЗ написал сочинение „Об обожании солнца у древних славян“³⁹.

Из южнославянской проблематики И. И. Срезневский в харьковский период своей деятельности обратился к болгарской литературе и послал Ганке 26 мая 1846 г. обозрение этой литературы с 1840 г. Ганка опубликовал это письмо в „Журнале Чешского Музея“ за 1847 г. под названием „O bolgarskè literatuře. List I. I. Srezněwského W. Hankowi“.

Срезневский начинает свою информацию с констатации, что до 1840 г. вышло не более тридцати книг и приводит большой и подробный перечень болгарских изданий. При этом прибавляет, что „книги эти замечательны и по содержанию, и по самому языку, большею частью в них довольно чистому и естественному, что довольно редко и в книгах других славян, не только в болгарских“⁴⁰. Оценивая далее многие издания с точки зрения новизны освещения, Срезневский обращает внимание на характер болгарского языка, полемику по этому вопросу и тенденции его дальнейшего развития. Отмечается значительное число изданий в переводе с русского, что обычно осуществлялось представителями болгарской интеллигенции в Одессе. И. Срезневский, в целом, выражает удовлетворение литературными успехами болгарского народа, „отставшего от всех других славянских народов“.

В 1846 г. в Санкт-Петербургском университете за смертью П. И. Прейса стала вакантной кафедра истории славянских наречий и литератур. Срезневский решил занять это место и обратился к Ганке за содействием, если будет необходимость. По письмам роль Ганки в этом предприятии Срезневского не прослеживается, но в 1847 г. харьковский славист стал профессором-славистом в Петербургском университете. Мотивы учёного, относительно замены Харькова на Петербург, подробно изложены в письме от 9 августа 1846 г. Они продиктованы неудовлетворённостью Срезневского состоянием славяноведения в Харьковском университете, фактически тормозящим научный рост. Ввиду ценности этого материала для характеристики положения славянских изучений в провинциальных университетах России в середине XIX в., приводим мотивировку Срезневского несколько более подробно.

Срезневский пишет, что в Харькове он терпит досадный недостаток. „Средств для должного усовершенствования себя в науке, пособий не только рукописных или старопечатных, но даже и новых печатных нет почти никаких, кроме того, что принадлежит мне лично. Естественно, что наша университетская библиотека славянским отделом беднее моей несравненно, потому что до меня славянством здесь никто не занимался. Ни одного труда не могу окончить удовлетворительно, потому что для окончания нужна полнота, а её ожидать и даже желать было бы странно. Притом сокровища библиотек петербургских до сих пор остаются мне известны немногим больше, как и всякому, кто знаком с нашей филологической печатной литературой: я не был ещё в Петербурге с целью их изучения. Таким образом, исторический лексикон старорусского языка, для которого я собираю материал, не может не оставаться только бессвязным сборником, и если судьбе неужгодно будет меня сблизить с тем, что ещё не напечатано и не может быть напечатано скоро, то останется таким и навсегда. Грамматика старорусская тоже... Если бы мне удалось... переселиться в Петербург, то это бы подвинуло меня далеко в науке“⁴¹.

Переселение Срезневского в Санкт-Петербург состоялось. Накануне он защитил докторскую диссертацию и получил степень доктора славяно-русской филологии. Книгу „Святылища и обряды языческого богослужения древних славян“ он посвятил Артемовскому и Ганке, как первым наставникам его в славянской филологии. На том же заседании Совета Харьковского университета Ганка был избран почётным членом университета. В Петербурге И. И. Срезневский сделал большую карьеру, стал академиком и постепенно

переориентировался на изучение истории русского языка. С В. Ганкой переписка продолжается, но теперь её содержание сосредотачивается на работе Срезневского в Университете, Главном Педагогическом институте и в качестве цензора. О переключении И. И. Срезневского на изучение истории русского языка и его памятников и источников, а также научных результатах этой работы, имеется богатая литература специалистов, поэтому нет необходимости останавливаться на этом вопросе. В Петербургский период жизни И. Срезневский отошёл от исследования проблематики, касающейся зарубежных славян, но продолжал активно информировать научную общественность о литературной жизни славян, помещая библиографические заметки в изданиях Академии, преимущественно в „Известиях ОРЯС“, которые долгое время редактировал и практически был автором всех заметок и рецензий. Работам Ганки в них уделялось самое большое внимание. В рецензиях и аннотациях И. И. Срезневский продолжал защищать подлинность РКЗ, хотя в литературе с середины 1850-х годов началась по этому вопросу острая полемика; и сторонники подлинности „памятников“ терпели поражение одно за другим. К 80-м годам XIX в. вопрос о подложности РКЗ и других „памятников“, выдававшихся за древние, практически был решён, но И. И. Срезневский оставался до конца жизни на консервативных позициях защитников „подлинности“. В литературе неоднократно высказывалось недоумение, почему образованный, эрудированный знаток древнеславянских языков и литератур, человек с критическим складом ума, со скептическим отношением к различным мнениям, верил в подлинность Ганковых фальсификатов. При этом он не считал своего чешского друга крупным учёным, а скорее относил его к посредственности в области славянской филологии. Преданность Срезневского Ганке, на наш взгляд, объясняется психологическим фактором. Чешский славист был человеком доброжелательным, всегда готовым помочь как в научном, так и в бытовом отношении каждому русскому славянину. Об этом свидетельствует всякий, кто с ним соприкасался. Ганка был демократичен, лишён кичливости и высокомерия, характерных для некоторых других чешских деятелей, например Ф. Палацкого и П. Й. Шафарика, к которым молодые русские слависты, обратившись один раз, больше уже стремились визиты не повторять. Кроме того Ганка фанатично любил своё дело, верил в идею общеславянства, чем подкупал молодых русских славистов-романтиков. На энергичного Ганку, установившего контакты со всеми деятелями, симпатизировавшими славянской идее, можно было рассчитывать при приобретении книг, получении рекомендации к нужным людям, попросить о посредничестве в каком-либо деле и т.д. В общем, это был человек с характером, импонирующим русскому типу общения, в отличие от сухих индивидуалистов европейского типа, позволявших себе выказывать любезность и расположение, только если видели в этом пользу для себя.

Что касается И. И. Срезневского, то Ганка был для него первым учителем в славянской филологии, близким по душевному складу и романтическому отношению к миру. Возможно, И. И. Срезневский первоначально искренне верил в подлинность Ганковых подделок, но со временем, убедившись в своём заблуждении, благородно не хотел „предавать“ учителя, для которого слава „открывателя“ РКЗ представляла смысл жизни. Кроме того, европейской известности Срезневского так же в значительной степени способствовал Ганка, публикуя его информацию о славянской литературе, о развитии славяноведения и вообще науки в России в чешских научных журналах и прессе. Таким образом, энергия чешского деятеля способствовала укреплению контактов и приносила большую пользу обоим учёным.

В 1861 г. В. Ганка скончался. И. И. Срезневский грустил об этой потере и постарался увековечить его память в сознании русских славистов. Он опубликовал в разных газетах несколько некрологов, где отметил заслуги Ганки перед славяноведением в целом и его значение для развития русского славяноведения. 11 января 1861 г. Срезневский произнёс речь о Ганке на заседании 2-го отделения РАН. Составил библиографию его трудов, информировал в печати о погребении Ганки в Праге. Все эти материалы опубликованы в сборнике И. И. Срезневского „Воспоминания о В. В. Ганке“ (СПб., 1861). По закону жанра Ганка характеризуется в панегирическом духе.

Заключая изложение вопроса о взаимоотношениях двух славистов XIX в., русского –

И. И. Срезневского, и чеха – В. Ганки, следует констатировать, что их научные контакты явились важным фактором развития славяноведения в России в первой половине XIX в. Один из первопроходцев, организаторов и исследователей интеллектуальной жизни зарубежного славянства в России получил существенную поддержку при первых шагах своей деятельности, что впоследствии предопределило его ведущую роль в отечественном славяноведении 1840–1870-х гг. С другой стороны, научная информация, которую Ганка получал от Срезневского, существенно обогатила содержание чешской науки, а через неё – и других славянских народов.

Наука и культура тогда имеют перспективу развития, когда существует обмен достижениями разных народов, в частности через контакты их деятелей. Представляется, что освещённые выше взаимоотношения И. И. Срезневского и В. Ганки являются одним из ярких примеров такого обмена.

¹ Подробную характеристику литературы об И. И. Срезневском см.: *Досталь, М. Ю.* И. И. Срезневский и его связи с чехами и славянами. М., 2003, с. 11–43.

² Об РКЗ существует огромная литература. См. об этом: *Лантева, Л. П.* Краледворская и Зеленогорская рукописи и их русские переводы. – В: *Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора.* М., 2002, с. 11–119.

³ Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 436, оп. 6.9.4–25: Письма В. Ганки И. И. Срезневскому.

⁴ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Материалы для славянской филологии. Издал В. А. Францев. Варшава, 1905.

⁵ *Францев, В. А.* Очерки по истории чешского возрождения. Русско-чешские учёные связи конца XVIII и первой половины XIX столетия. Варшава, 1902.

⁶ *Досталь, М. Ю.* И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003.

⁷ *Лантева, Л. П.* Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до первой мировой войны (1914 г.). М., 2000.

⁸ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Материалы для славянской филологии. Издал В. А. Францев. Варшава, 1905, с. 952.

⁹ Там же, с. 958.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 959.

¹² Там же, с. 972.

¹³ Там же, с. 977.

¹⁴ Там же, с. 978.

¹⁵ Там же, с. 983.

¹⁶ Там же, с. 985.

¹⁷ Там же, с. 996.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Путевые письма И. И. Срезневского из славянских земель., 1839–1842. СПб, 1895.

²⁰ Письма к Вячеславу Ганке..., с. 1000.

²¹ Подробно об этом см.: *Досталь, М. Ю.* И. И. Срезневский и его связи с чехами и славянами. М., 2003.

²² Письма к Вячеславу Ганке..., с. 1022.

²³ Там же, с. 1025.

²⁴ Там же, с. 1026.

²⁵ Там же, с. 1027.

²⁶ *Францев, В. А.* Очерки по истории чешского возрождения..., с. 165–166.

²⁷ Письма к Вячеславу Ганке..., с. 1207.

²⁸ *Францев, В. А.* Н. В. Гоголь в чешской литературе (К истории славянского литературного общения в XIX ст.). СПб, 1902.

²⁹ В этот период в Харьковском университете училась значительная часть студентов польской национальности и происхождения.

³⁰ Письма к Вячеславу Ганке..., с. 1029.

³¹ Там же.

³² Там же, с. 1030.

³³ *Срезневский, И. И.* Рец. на кн.: “Slovanský národopis” Sestavil Šafářik. При книге карта “Slovanský zeměvid” od P. J. Šafářika. – ЖМНП, ч. 38, отд. 6, с. 1–30.

³⁴ Письма к Вячеславу Ганке..., с. 1031.

³⁵ *Срезневский, И. И.* Исторический очерк серболужицкой литературы. – ЖМНП, 1844, № 7 (июль), с. 26-60.

³⁶ Письма к Вячеславу Ганке., с. 1043.

³⁷ *Срезневский, И. И.* Сеймы. – В: Очерки истории России, издаваемые В. Пассеком. СПб., 1838, кн. 1, с. 226–239.

³⁸ *Срезневский, И. И.* Извлечение из Краледворской рукописи касательно религиозных верований и обрядов. – ЖМНП, ч. 28, 1840, № 12, с. 115–148.

³⁹ *Срезневский, И. И.* Об обожании солнца у древних славян. – ЖМНП, ч. 51, 1846, с. 36–60.

⁴⁰ Письма к Вячеславу Ганке., с. 1045.

⁴¹ Там же, с. 1052–1053.